

Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ ¹⁾).

Г. Юберсбергеръ.

Проф. Н. Ф. Каптеревъ, Патриархъ Никонъ и Царь Алексѣй Михайловичъ. Томъ I. Сергіевъ Посадъ, 1909. (Prof. N F. Kapterev, Patriarch Nikon und Zar Aleksej Michajlovic, Bd. I Sergiev Possad, 1909).

Habent sua fata libelli! Это можно сказать особенно о послѣднемъ трудѣ проф. Московской Духовной Академіи Н. Ф. Каптерева, такъ какъ съ печатаньемъ настоящаго изслѣдованья онъ выступилъ еще въ 1887 году въ журналѣ „Православное Обозрѣніе“. Но надѣлавшіе много шуму выводы, сдѣланные проф. Каптеревымъ въ его ученомъ изслѣдованьи, создали ему много враговъ, во главѣ которыхъ стоялъ его коллега—проф. той же академіи—Субботинъ. Въ качествѣ публицистическаго противника старообрядцевъ, Субботинъ вступилъ съ авторомъ въ полемику, благодаря чему получилъ извѣстность въ широкихъ кругахъ, точно также, какъ и благодаря своему большому изданію. „Матеріаловъ по исторіи раскола“. Потерявъ надежду заставить проф. Каптерева отказаться отъ своихъ воззрѣній путемъ полемики, Субботинъ обратился къ тогдашнему оберъ прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву съ предложеніемъ пріостановить дальнѣйшее печатанье труда проф. Каптерева, что и было исполнено. Старанія проф. Субботина удалить своего коллегу изъ Моск. Дух. Академіи не увѣнчались успѣхомъ. Только смерть всемогущаго владыки русской церкви дала возможность появиться въ свѣтъ первому тому „Патріарха Никона“.

¹⁾ Отзывъ о книгѣ проф. Н. Ф. Каптерева, сдѣланный проф. 'Вѣнскаго Университета *H. L. Uebersberger* омъ и напечатанный въ „*Zeitschrift für osteuropäische Geschichte*“, Band I, Heft 4, 1911, Berlin.

Дѣйствительно, научные выводы, предлагаемые проф. Каптеревымъ, должны были вызвать цѣлую революцію въ прежнихъ воззрѣніяхъ на возникновеніе русскаго церковнаго раскола, являющагося и до сихъ поръ важнымъ событіемъ во внутренней жизни русскаго народа. До появленія въ свѣтъ изслѣдованій проф. Каптерева, взглядъ на возникновеніе раскола былъ слѣдующій: древніе православные обряды и чины искажило вѣковое русское невѣжество, а въ русскія церковныя книги они были внесены при патріархѣ Іосифѣ невѣжественными книжными справщиками: Аввакумомъ, Нероновымъ, Даниломъ, Лонгиномъ и другими, которые, возставая потомъ противъ реформы Никона, въ сущности отстаивали только дѣло рукъ своихъ. Этотъ взглядъ, проведенный митрополитомъ Макаріемъ въ своей доселѣ не утратившей значенія „Исторіи русскаго раскола“, былъ принятъ всѣми изслѣдователями вопроса о возникновеніи раскола, напр. Шаповымъ, митрополитомъ Игнатіемъ и даже такимъ знатокомъ раскола, какъ Мельниковъ - Печерскій (Биографія Аввакума, Энциклон. словарь 1861 г.). Благодаря такому взгляду на вопросъ возникновенія русскаго церковнаго раскола, личность Никона и важность проведенной имъ церковной реформы, возросли до огромныхъ размѣровъ, совершенно не соотвѣтствуя исторической истинѣ.

Наконецъ въ журналѣ „Православное Обозрѣніе“ началось печатаніемъ новое изслѣдованье проф. Каптерева по этому вопросу, гдѣ въ первый разъ доказывалось, что главнѣйшіе противники церковной реформы Никона никогда не были книжными справщиками и никакого вліянія на книжную справу при предшественникѣ Никона, патріархѣ Іосифѣ, не имѣли, такъ какъ принадлежали къ кружку ревнителей благочестія, образовавшемуся вокругъ царскаго духовника Стефана Вои-
 фатьевича, къ книжной справѣ не имѣвшего никакого отношенія. Съ помощью царя этотъ кружокъ энергически дѣйствовалъ, способствуя углубленію религіознаго чувства народныхъ массъ, имѣя главнымъ образомъ въ виду ввести большій порядокъ и больше благочестія при совершеніи богослуженій. Дальше доказывается, что многіе церковные обряды, измѣненные Никономъ, какъ неправильные и вызвавшіе такое сильное противодѣйствіе,—представляютъ собою древнюю греческую форму, которая у грековъ стала разви-

ваться далѣе, между тѣмъ какъ на Руси она удержалась въ прежнемъ видѣ. Этотъ новый взглядъ на реформаторскую дѣятельность Никона и на мотивы, которыми руководствовались его противники—лишилъ ревностнаго борца противъ раскола—Субботина—почвы для дальнѣйшей борьбы со старообрядчествомъ и, кстати сказать, навѣрное повліяла на изложеніе этого событія Милюковымъ (въ его „Очеркахъ по исторіи русской культуры“). Поэтому-то и началась ожесточенная и не мѣнѣе знаменитая полемика Субботина съ Каптеревымъ.

Послѣ двадцатидвухлѣтняго, невольнаго молчанія, опираясь на выводы, сдѣланные въ своемъ первомъ запрещенномъ изслѣдованьи, авторъ настоящей книги разсматриваетъ весь вопросъ реформы Никона съ такою объективностью и ясностью, какую едва ли можно встрѣтить въ церковно-историческихъ сочиненіяхъ всѣхъ исповѣданій. Дѣйствительно, свѣтъ и тѣни распредѣлены равномерно, ни о чемъ не умолчено, не замѣтно никакого стремленія къ прикрашиванью. Для Московской Духовной Академіи весьма не малая честь, что среди ея профессоровъ числятся такіе ученые историки, какъ Ключевскій, Голубинскій и Каптеревъ. Раннѣйшія сочиненія послѣдняго—напр. „Характеръ сношеній Россіи съ православнымъ Востокомъ“—принадлежитъ къ числу наиболѣе обработанныхъ и цѣнныхъ книгъ всей русской исторіи. Благодаря же своему новому труду, авторъ его приобрѣлъ еще большую извѣстность. Это обстоятельство и важность предмета, не только для настоящаго и будущаго Россіи, но и для всей исторіи религіи,—требуетъ болѣе глубокаго вникновенія въ содержаніе изслѣдованія проф. Каптерева.

Въ началѣ 17-го столѣтія, въ періодъ такъ называемаго „смутнаго“ времени, Россія, переживая политико-династическій, социальный и экономическій кризисы, была совсѣмъ на краю гибели. Вслѣдствіе всеобщаго истощенія и упадка, церковная жизнь также не была пощажена. Когда же опасность миновала, началось постепенное возстановленіе дѣлъ государственныхъ и церковныхъ. Благодаря стараніямъ патріарха Филарета, отца перваго царя изъ дома Романовыхъ, дѣлу возстановленія церкви уже данъ былъ первый толчекъ, продолженный потомъ кружкомъ ревните-

лей благочестія, состоявшимъ изъ такъ называемаго „бѣлаго“ духовенства, имѣя во главѣ царскаго духовника Стефана Бонифаньевича, челоуѣка съ выдающимся характеромъ.

Къ этому кружку ревнителей благочестія принадлежали такіе люди, какъ Нероновъ, Аввакумъ, Давидъ, Лазарь и др., которые позднѣе выступили ораторами оппозиціи противъ Никона, и, наконецъ, самъ Никонъ — тогда архимандритъ одного изъ Московскихъ монастырей. Благодаря симпатіямъ царя къ этимъ людямъ и ихъ идеямъ, они приобрѣли сильное вліяніе на все управленіе церковью, занявъ доступныя для бѣлаго духовенства значительныя церковныя должности. Когда же были введены церковныя поученія, когда самъ царь съ семействомъ приходилъ въ Казанскій соборъ слушать проповѣдь протопопа Неронова, кружокъ ревнителей благочестія провелъ важную церковную реформу о единогласіи въ богослуженіи, противъ воли патріарха Іосифа, несмотря на постановленія собора 1649 г.

До сихъ поръ церковныя молитвы читались и пѣлись на многіе голоса одновременно и безпорядочно, благодаря чему служба значительно сокращалась; необразованному священнику очень легко было скрывать свое неумѣнье хорошо читать при одновременномъ чтеніи молитвъ нѣсколькими лицами, благодаря чему терялось должное благоговѣніе къ священнослуженію и пропадала его назидательность для вѣрующихъ. Введеніе единогласія возбудило противодѣйствіе значительнаго большинства духовенства и мірянъ: первые были недовольны тѣмъ, что для исполненія ихъ священныхъ обязанностей требуется слишкомъ много времени и что къ ихъ знаніямъ предъявляются слишкомъ большія требованья; міряне также были недовольны чрезмѣрной длительностью богослуженій. Случалось даже, что прихожане, недовольные продолжительностью службы, заставляли своихъ священниковъ возвращаться къ старому обычаю, прибѣгая даже къ побоямъ. Конечно, русскій церковный чинъ, перенятый безъ измѣненій изъ строжайшихъ восточныхъ монастырей, для простаго прихода былъ слишкомъ длителенъ; для приходскихъ церквей необходимо было сдѣлать извѣстное сокращеніе, что и рѣшено было исполнить послѣ того, какъ патріархъ Іосифъ сталъ на сторону недовольныхъ духовныхъ и мірянъ. Но онъ полагалъ, что сокращеніе богослуженія дол-

жно заключаться не въ пропускахъ чего-либо лишняго, а въ одновременномъ чтеніи молитвъ нѣсколькими лицами, чтобы, благодаря многогласію, богослуженіе совершалось бы скоро.

Когда патріархъ для рѣшенія этого вопроса созвалъ соборъ, который примкнулъ къ его мнѣнію, царь не замедлилъ стать на сторону своего духовника и его единомысленниковъ, воспрепятствовалъ исполненію постановленія собора и просилъ константинопольскаго патріарха высказать свое мнѣніе по этому вопросу; патріархъ высказался за единогогласіе.

Послѣ этой побѣды царя, церковная реформа оказалась совсѣмъ близкою и, какъ убѣдительно доказываетъ проф. Каптеревъ,—иниціаторомъ ея былъ царь, а не патріархъ, такъ какъ церковные интересы всегда находились въ самой тѣсной связи съ особою государя и всю жизнь особенно его озабочивали. Между тѣмъ въ Россіи почти два столѣтія царило убѣжденіе, что со времени флорентійской уніи и паденія Константинополя, правая и истинная вѣра греко-восточной церкѣви имѣется только въ Россіи, а православіе грековъ нарушено, благодаря интригамъ латинянь и притѣсненіямъ турокъ. Самъ царь былъ воспитанъ въ грекофильскихъ традиціяхъ своего семейства и, особенно, своего дѣда, патріарха Филарета, убѣжденнаго грекофила. На совершенное и тѣснѣйшее соединеніе русской и греческой церквей царь смотрѣлъ, какъ на главную задачу своего царствованія. Честолюбивое, разумное и не лишнее безкорыстія стремленіе каждаго государя греческой церкви играть роль византійскаго императора у православныхъ—могло еще болѣе укрѣпить царя въ его намѣреніи соединить обѣ церкви. Этому способствовали также и политическіе мотивы создать себѣ прочную основу для роли будущаго избавителя изнывавшихъ подъ турецкимъ игомъ христіанъ и, покоривши турокъ, стать какъ бы древне-византійскимъ императоромъ,—какъ это допускаетъ авторъ,—въ чемъ я, однако, по справедливости, могу усумниться. Напротивъ, вся восточная политика царя втеченіе всего его царствованія, слѣдуя древнимъ московскимъ принципамъ, старалась прочно удерживать дружбу съ Портой до тѣхъ поръ, пока царь не пошелъ на войну съ поляками.

Еще въ началѣ своего царствованья, Алексѣй Михайловичъ стремился вызывать ученыхъ греческихъ и малорус-

скихъ монаховъ изъ Кіево - Печерской лавры и, среди послѣднихъ такихъ, какъ Арсеній Сатановскій и Епифаній Славенецкій, чтобы приступить къ исправленію русскихъ богослужебныхъ книгъ по греческимъ; ранѣе онъ также заботился объ этомъ и основалъ въ Москвѣ школу греческаго языка. Послѣдовавшая 15 апрѣля 1652 г. смерть патріарха Іосифа устранила послѣднія препятствія и дорога для столь горячо выжидаемой царемъ церковной реформы, была, наконецъ, свободна. Уже давно царь и его духовникъ присматривали подходящаго по ихъ планамъ замѣстителя Іосифу и ихъ выборъ остановился на Никонѣ, который, между тѣмъ, благодаря ихъ милостямъ, сдѣлался новгородскимъ митрополитомъ. Этотъ живой, отъ природы блестяще одаренный, энергичный, но въ то же время увлекающійся и честолюбивый человѣкъ, который по своему богословскому образованію былъ настоящимъ сыномъ своего времени и не особенно отличался отъ своихъ товарищей, позднѣе противниковъ изъ дружескаго кружка Стефана Вонифатьевича, и былъ, собственно, только орудіемъ для столь горячо проводимой царемъ реформы.

Нероновъ, Аввакумъ, Даніиль и Лонгинъ охотнѣе всего видѣли бы Стефана Вонифатьевича на патріаршей кафедрѣ, но, когда тотъ отказался отъ патріаршества и указалъ имъ на Никона, то они подали царю челобитную о возведеніи Никона въ патріархи, смотря на него, какъ на своего человѣка. Но если они надѣялись играть при ихъ другѣ Никонѣ ту же выдающуюся роль, какую они до сихъ поръ играли, то они сильно обманулись въ своихъ надеждахъ, такъ какъ Никонъ, по свойству своего характера, вовсе не былъ созданъ для подчиненія, или даже ограниченія своей архиерейской власти, которая, по его убѣжденію, была выше царской. Онъ принялъ программу царя и его духовника, но потребовалъ отъ царя, бояръ и собравшагося народа торжественной клятвы, что они, всѣ и каждый, будутъ оказывать ему безусловное послушаніе, какъ ихъ отцу и архиерееву. Вскорѣ послѣ начала своей архиерейской дѣятельности, онъ порвалъ сношенія со своими прежними друзьями, за исключеніемъ царскаго духовника, и сдѣлался ихъ злѣйшимъ врагомъ. Этотъ разрывъ произошелъ въ силу ихъ различныхъ взглядовъ на исходную точку, задачу и цѣль, объ-

емь и средства реформы и имѣлъ принципіальное основаніе. хотя столкновенія происходили и на личной почвѣ. Авторъ говоритъ съ особымъ удареніемъ, что именно въ этомъ принципіальномъ несогласіи и заключалось главное значеніе конфликта между Никономъ и его прежними единомышленниками, и что этотъ, повидимому личный конфликтъ, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, велъ, однако, къ расколу въ русской церкви, такъ какъ вопросъ о церковной реформѣ затрагивалъ социальную и культурную жизнь русскаго народа. Здѣсь рѣшался вопросъ: останется ли русскій народъ при своихъ старыхъ идеалахъ, своемъ прежнемъ пониманіи жизни и при своихъ прежнихъ стремленіяхъ, образовавшихся отъ паденія Константинополя и отъ флорентійской уніи,—или же, слѣдуя духу времени, соответствующему новымъ задачамъ, создастъ себѣ нѣчто новое въ своей жизни. Въ разрѣшеніи этого вопроса въ томъ, или другомъ смыслѣ, по мнѣнію автора и заключается все великое значеніе этой страстной, такъ ужасно обостренной личными раздорами борьбы Никона съ его прежними друзьями. Побѣда Никона пробудила бы въ русскомъ обществѣ сознаніе, что старыя формы русской жизни требуютъ обновленія, реформы; въ случаѣ же побѣды его противниковъ, оказалось бы, что старыя стремленія должны остаться цѣлыми и неизмѣнными, что русская жизнь не нуждается въ коренной реформѣ или въ новыхъ путяхъ.

Изображеніе этой борьбы умовъ съ полной картинною объективностью и съ убѣдительною всепроникающею критикою,—и составляетъ главную заслугу проф. Каптерева. Кто посмотритъ новое руководство нѣмецкаго протестантскаго богослова (Іоанна Геринга „Секты русской церкви“), тотъ увидитъ, насколько ничтожно у него оцѣнена даже историческая сторона дѣла, созданная подъ вліяніемъ доселѣ существовавшихъ ученыхъ мнѣній въ русской церковной наукѣ относительно побудительныхъ причинъ возникновенія русскаго церковнаго раскола, особенно же о противникахъ Никона.—тотъ только можетъ судить о цѣнности выводовъ, сдѣланныхъ проф. Каптеревымъ. Умѣстно будетъ коротко набросать хоть руководящую мысль настоящаго изслѣдованія. Прежде всего важно то обстоятельство, что начало реформаторской дѣятельности Никона, относительно выбора пред-

мета реформы, было выбрано совѣтъ неудачно. Такъ передъ Пасхой 1653 г. имъ было издано распоряженіе, чтобы впредь дѣлать крестное знаменіе тремя, вмѣсто двухъ перстовъ. Но соборъ 1551 г., застѣдавшій подъ предсѣдательствомъ одного изъ самыхъ выдающихся іерарховъ русской церкви Макарія, и названный по ста главамъ своихъ постановленій Стоглавымъ соборомъ, угрожалъ анаѣмой тѣмъ, кто не крестится двумя перстами. Благодаря этому распоряженію Никона, вѣрующіе естественно пришли въ страшное смущеніе, не зная, какъ примирить распоряженіе новаго патріарха съ постановленіемъ Стоглаваго собора. Кромѣ того въ глазахъ русскихъ всякіе обряды казались столь же неизмѣнными, какъ и самъ догматъ, который, за недостаткомъ у народа какого бы то ни было богословскаго образованія, просто смѣшивался съ обрядомъ. Впрочемъ то, что и самъ Никонъ былъ тоже настоящимъ сыномъ своего времени, это ясно показываютъ вопросы, посланные имъ для разрѣшенія къ константинопольскому патріарху Паисію, между которыми находились напримѣръ такіе: въ которомъ часу начинать богослуженіе, или же: когда пономарь долженъ зажигать свѣчи. Подобно необразованнымъ массамъ русскаго народа и богословски невѣжественнымъ противникамъ церковной реформы Никона, главѣ русской церкви—патріарху Никону указанныя обрядовыя мелочи казались обстоятельствомъ огромной важности.

Константинопольскій патріархъ понималъ слабую сторону богословскаго образованія своего собрата, на что указываетъ его ученый отвѣтъ на вопросы Никона съ такимъ заявленіемъ, что всякая обрядовая церемонія имѣетъ двѣ стороны: одну существенную, внутреннюю, находящуюся въ связи съ христіанскимъ вѣроученіемъ, и другую, несущественную, касающуюся чисто внѣшняго выполненія извѣстнаго вѣроученія. Только первая часть настолько же неизмѣнна, какъ и сама христіанская вѣра; послѣдняя же приспособляется къ обычаямъ различныхъ автокефальныхъ церквей. Однако Никонъ не понималъ доказательства, что догматъ, а не обрядъ, имѣетъ существенное значеніе, твердо вѣря, что всѣ несходства русской церковной практики сравнительно съ тогдашней греческой, вкрались въ русскую церковную жизнь или благодаря злоупотребленіямъ, или же благодаря невѣ-

жеству. Между тѣмъ, исторически дѣло было такъ, что рускіе придерживались обряда, перенятаго отъ грековъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, но только у грековъ этотъ обрядъ сталъ развиваться далѣе, въ то время, какъ на Руси онъ остался въ своемъ первоначальномъ видѣ. Лучше всего это показываетъ развитіе перстосложенія для крестнаго знаменія. Древне-христіанская форма перстосложенія было единоперстіе, которое въ 9-мъ вѣкѣ было измѣнено греками на двоеперстіе, благодаря ереси монофизитовъ, видѣвшихъ въ единоперстии подтвержденіе ихъ ученія объ одномъ еществѣ Иисуса Христа. Съ этого времени единоперстіе является внѣшнимъ признакомъ принадлежности къ сектѣ монофизитовъ, а двоеперстіе—какъ признакъ принадлежности къ православной церкви. Рускіе усвоили двоеперстіе одновременно съ принятіемъ изъ Византіи христіанства. Въ концѣ 12-го, или въ началѣ 13 го вѣка, послѣ исчезновенія монофизитовъ, въ греческой церкви появилась новая необходимость отличаться отъ несторіанъ, крестившихся также двумя перстами, видѣвшихъ въ этомъ символическій знакъ своего еретическаго ученія о двухъ ествахъ во Христѣ; съ этою цѣлью было введено крестное знаменіе съ помощію трехъ пальцевъ. Эта реформа не была проведена въ греческой церкви черезъ соборъ, а вошла въ практику греческой церковной жизни постепенно. Троеперстіе появилось въ Россіи въ то время, когда рускіе, послѣ флорентійской уніи, вообще стали сомнѣваться въ православіи грековъ, имѣя твердое убѣжденіе, что внѣшняя форма обряда произошла неизмѣнно отъ Самого Христа, или же, по крайней мѣрѣ—отъ Его апостоловъ. Поэтому соборъ 1551 г. долженъ былъ пригрозить анаѳемой тѣмъ, которые, по примѣру грековъ, въ этомъ отношеніи отпали отъ чистаго православія, т. е.—не стали придерживаться двоеперстія.

Проводя свои реформы, Никонъ опирался главнымъ образомъ на свой великій патріаршій авторитетъ. Уже начиная съ эпохи процвѣтанія Москвы, которая, по времени, случайно совпала съ паденіемъ Константинополя, въ Россію начали приходиться изъ года въ годъ и простые восточные монахи, и церковные іерархи, чтобы здѣсь наполнять свои карманы у щедрыхъ и могущественныхъ князей и іерарховъ русской церкви. Это нашествіе, съ годами, сдѣлалось на-

столько велико, что приняло характер почти народнаго бѣдствія и вызвало строгую регламентацію разрѣшеній на въѣздъ въ Россію, безъ которыхъ пограничныя заставы не имѣли права пропускать черезъ русскую границу ни одного иностранца духовнаго званія. Въ началѣ 1655 г. мы встрѣчаемъ въ Москвѣ двоихъ изъ этихъ „милостынесобирателей“—какъ ихъ непочтительно называетъ авторъ—въ лицѣ антиохійскаго патріарха Макарія и, такъ называемаго, сербскаго митрополита Гавріила. Чтобы привести всемогущаго Никона въ милостивое настроеніе и при отъѣздѣ получить большій денежный подарокъ, Макарій сталъ льстиво заискивать передъ московскимъ патріархомъ, на котораго онъ приобрѣлъ довольно сильное вліяніе и своимъ авторитетомъ одобрялъ и оправдывалъ самыя крутыя и необдуманныя поступки Никона. Вліяніе Макарія обнаружилось особенно на соборѣ 1655 г., когда Никонъ торжественно, безъ всякой нужды и въ рѣзкой формѣ, порвалъ съ русскими традиціями и произнесъ не совсѣмъ понятныя для русскихъ слова: я—русскій, сынъ русскаго, но мои убѣжденія и вѣра—греческія. Этотъ „бродячій милостынесобиратель“—по выраженію автора—пошелъ со своимъ подслуживаньемъ къ Никону еще далѣе. Благодаря своему богословскому невѣжеству, Макарій вообразилъ, что крестное знаменіе двумя перстами—есть еретическій армянскій обрядъ и, слѣдовательно, русскіе, по его мнѣнію, крестились по армянскому образцу. Во время одного торжественнаго богослуженія въ кремлевскомъ Успенскомъ соборѣ при участіи патріарха Никона и Гавріила, Макарій осмѣлился въ присутствіи царя, бояръ и собравшагося народа, предать анаѣмѣ тѣхъ, кто впредь будетъ креститься двумя перстами, хотя тогда весь русскій народъ придерживался именно двоеперстія, правильность котораго уже была доказана исторически.

Такъ неожиданно появилась первая большая трещина въ русской церкви и вся реформа Никона въ глазахъ большинства русскихъ была дискредитирована. Этимъ шагомъ Никонъ далъ своимъ врагамъ сильное оружіе въ руки—являлось подозрѣніе въ православіи его самого. Въ то время русская церковь нуждалась въ болѣе важныхъ преобразованіяхъ, а не въ реформѣ перстосложенія, проведенной къ тому же въ такой легкомысленной формѣ. Авторъ вѣрно

замѣчаетъ, что было бы гораздо существеннѣе, если бы русскій народъ изучилъ и освѣтилъ основное различіе между догматомъ и обрядомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, не настолько же русская церковь отклонилась отъ греческой, если русскіе крестятся двумя, вмѣсто трехъ перстовъ, двоятъ, а не троятъ алиллюю и т. д.

Своей реформой Никонъ только усилилъ въ народѣ убѣжденіе въ тождественности догмата и обряда вмѣсто того, чтобы просвѣтлить и углубить религиозное чувство. Въ противоположность къ этому выступленію Никона, авторъ приводитъ примѣръ кievскаго митрополита Петра Могилы (умершаго въ 1647 г.), который старался предварительно подготовить широкія массы малороссовъ къ принятію его реформы, лично обнаруживая сильную заботливость объ устройствѣ школъ, въ успѣхъ этого дѣла видя ручательство въ преуспѣяніи церковной и соціальной жизни Украйны.

Не болѣе счастливъ былъ Никонъ и въ дѣлѣ исправленія богослужебныхъ книгъ. Однако онъ, при помощи Арсенія Суханова, собралъ до ста греческихъ рукописей и древнеславянскихъ восточныхъ переводовъ и отправилъ ихъ въ Москву. Исправленіе по этимъ книгамъ при наличности большого числа вариантовъ въ разныхъ спискахъ было невозможно, такъ какъ отдѣльныя церемоніи при богослуженіи образуются не сразу, а постепенно, съ мѣстными различіями. Чтобы найти выходъ изъ этой дилеммы, обратились къ современнымъ греческимъ печатнымъ книгамъ, напечатаннымъ не на греческомъ востокѣ, а на еретическомъ латинскомъ западѣ (въ Венеціи, Римѣ и Парижѣ), которыя самими греками считались не вполне исправными и не заслуживающими полнаго довѣрія. Самъ константинопольскій патриархъ и соборъ жаловались царю за 10 лѣтъ до реформы Никона, что лютеране и латинцы, подъ видомъ печатанья греческихъ богослужебныхъ книгъ, стараются тайно ввести свою зресь въ православную церковь. Неудивительно, что русское общество дошло до того, что стало думать, будто греческій текстъ печатныхъ книгъ слѣдуетъ исправлять по русскому. Никонъ и его сотрудники высказались за исправленіе по греческимъ венеціанскимъ книгамъ. Противникамъ Никона было хорошо извѣстно, что справа производилась по греческимъ венеціанскимъ печатнымъ книгамъ, а

не по рукописямъ, благодаря чему они обвиняли Никона, хотя и несправедливо, въ еретическихъ стремленіяхъ. Такъ какъ Никонъ не зналъ греческаго языка и не могъ принять личнаго участія въ книжной справѣ, то онъ понадѣялся въ этомъ особенно на монаха Арсенія грека, слава котораго въ Москвѣ была самая плохая, такъ какъ, будучи въ Турціи, онъ снималъ рясу и былъ нѣкоторое время послѣдователемъ Магомета. Тексты напечатанныхъ Никономъ нѣсколькихъ изданій богослужебныхъ книгъ, также рознились между собою, что, конечно, еще болѣе усиливало недовѣріе къ нимъ.

Впрочемъ пылъ Никона къ его реформѣ преждевременно охладился, такъ какъ онъ оставилъ патріаршую кафедру. Наконецъ онъ даже пришелъ къ заключенію, что старыя и новыя книги и обряды одинаково хорошия. Несомнѣнно благодаря этому убѣжденію, одинъ изъ противниковъ Никона—протопопъ Нероновъ—получилъ разрѣшеніе отъ патріарха совершать службу по старымъ книгамъ, послѣ чего между ними произошло примиреніе, на которое Нероновъ пошелъ однако во имя блага русской церкви, но никакъ не ради самого Никона. Никонъ, по оставленіи имъ патріаршей кафедры, не обращалъ никакого вниманія на увеличивающійся расколъ въ русской церкви,—всѣ его старанія были направлены къ удержанію его власти надъ царемъ; видя, что вліяніе его на царя стало ослабѣвать, онъ, въ видахъ пріобрѣтенія его вновь, нарочно оставилъ патріаршество, въ полной увѣренности, что царь снова призоветъ его на патріаршій престоль.

Характеристика Неронова и Аввакума — главныхъ противниковъ Никона,—причины ихъ популярности въ борьбѣ съ Никономъ—все это у проф. Каптерева изображено съ большимъ мастерствомъ. Онъ сумѣлъ надлежащимъ образомъ оцѣнить ихъ достоинства и недостатки. Въ своей біографіи Аввакума проф. Каптеревъ съ большою заслугой для себя доказалъ, что возвращеніе Аввакума изъ Сибири послѣ десятилѣтняго плача къ царю произошло не благодаря интригамъ враждебныхъ Никону бояръ, но по инициативѣ самого царя, который, послѣ примиренія Неронова съ церковію, надѣялся примирить съ нею также и Аввакума—этого безпокойнаго и непреклоннаго противника реформы Никона—

и, такимъ образомъ, возстановить миръ и спокойствіе въ русской церкви. Царь стремился къ этому потому, что послѣ ухода Никона, отнесшагося, какъ сказано, къ своей реформѣ совершенно равнодушно,—онъ самъ сталъ защищать эту реформу и принялъ управленіе церковію въ свои руки, какъ настоящій патріархъ. Большой, разстроенный галлюцинаціями духъ Аввакума, его отвращеніе къ знанію и образованію, полное незнаніе историческаго патріарха Никона, происшедшая затѣмъ борьба противъ созданнаго только въ его воображеніи еретическаго патріарха,—все это въ изображеніи проф. Каптерева даетъ много новыхъ характеристическихъ чертъ этого праотца русскаго раскола.

Изслѣдованьемъ мотива, побудившаго низложить Никона, заканчивается первый томъ. Въ своемъ трудѣ, авторъ опирался на изданные Гиббенетомъ и археографической комиссіей историческіе акты, на литературную критику реформы ея противниками, руководившимися тою мыслию, что только одно русское православіе есть дѣйствительно истинно. На основаніи тѣхъ же документовъ, авторъ вскрываетъ то любопытное обстоятельство, что вначалѣ реформа Никона не только не встрѣтила общаго признанія, но къ ней отнеслись очень скептически, какъ сверху, такъ и снизу, какъ бѣлое, такъ и черное духовенство и, что особенно странно, даже сами ученые греческіе монахи, бывшіе тогда въ Москвѣ.

Фактически Никонъ оставилъ въ русской церкви полнѣйшій хаосъ, тяжелое наслѣдство для единственно дружески расположеннаго къ нему царя. Какъ царь разрѣшилъ выпавшую ему тяжелую задачу—покажетъ второй томъ, который долженъ также говорить и о другой сторонѣ дѣятельности Никона—о его желаніи поставить „священство выше царства“. Поэтому, по справедливости, съ нетерпѣніемъ должно ожидать выхода въ свѣтъ второго тома настоящаго изслѣдованья, представляющаго собою обработку такого интереснаго матеріала, произведенную притомъ такимъ изслѣдователемъ, какъ проф. Каптеревъ.

Перевелъ С. К.
